

ЛОГИКА, СМЫСЛ И ЦЕННОСТЬ В ПЕРФОРМАТИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ «ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОГО ТРАКТАТА» ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА

Данько Софья Владимировна – кандидат философских наук, доцент. Национальный Исследовательский Университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: danko.sofia@gmail.com

Многие современные аналитики сближают основные задачи «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна с программой Б. Рассела, нацеленной на устранения языковой путаницы, порождающей «фундаментальные философские проблемы». Отчасти это верно, но при этом замалчивается ключевая идея «Трактата»: установление границ языка должно подвести к невыразимым ценностям нашей жизни и каким-то образом их показать. Именно это проделал Витгенштейн в «Трактате», однако полученный результат до сих пор остается, в некотором роде, конфиденциальным, оставляя простор разнообразным версиям на этот счет. Предлагаемая работа тоже представляет собой одну из возможных версий, и мы надеемся, что она будет полезна. Наш подход состоит в предельной радикализации характеристик логической структуры, демонстрирующей, что факты в пределах только логической структуры не могут быть поняты и описаны в осмысленных предложениях. Тем самым удаётся очертить собственно логический уровень языка, и на этом фоне показать существо нелогических смыслов и ценностей, обеспечивающих понимание мира. Такой подход позволяет освоить перформативное измерение «Трактата» и вернуть ценности и смыслы на их законное место, в языковые выражения. Тезис Витгенштейна об их невыразимости в языке трактуется, соответственно, как невозможность выразить их в особых философских или этических предложениях, отдельно от реального функционирования естественного языка.

Ключевые слова: аналитическая философия, Л. Витгенштейн, Б. Рассел, «Логико-философский трактат», логическая структура, простые объекты, атомарные факты, ценность, смысл, этика

LOGIC, MEANING AND VALUE FROM THE PERFORMATIVE PERSPECTIVE OF LUDWIG WITTGENSTEIN'S "TRACTATUS LOGICO-PHILOSOPHICS"

Sofia Danko – PhD in Philosophy, assistant professor. National Research University Higher School of Economics. 20 Myasnitckaya St., Moscow, 101000 Russian Federation; e-mail: danko.sofia@gmail.com

Many contemporary scholars converge the main issues of the "Tractatus Logico-Philosophicus" with B. Russell's agenda aimed at eliminating language confusion that causes "fundamental philosophical problems". Although this may be correct to a certain degree, the main idea of the "Tractatus" often remains overlooked: according to Wittgenstein, establishing the language boundaries must lead us to the inexpressible meanings and values of life, and somehow demonstrate them. It was done by Wittgenstein in "Tractatus", however results of his activity still remain in some way confidential, leaving a scope to various versions in this respect. This

paper represents one of the possible approaches to this problem. It consists in the ultimate radicalization of characteristics of the logical structure showing that the facts within only the logical structure cannot be understood and described in comprehensible propositions. Thereby, it is possible to highlight the logical level of language and to show some non-logical meanings and values that contribute to the understanding of the world. This approach allows to show the performative perspective of "Tractatus" and to find the appropriate place for values and senses among the language expression.

Keywords: analytical philosophy, L. Wittgenstein, B. Russell, logical structure, simple objects, atomized facts, "Tractatus Logico-Philosophicus", value, meaning, ethics

Существует ли «сфера» нелогических смыслов и ценностей? Крайности сложившихся трактовок

Кратко обозначим методологическую установку этой работы, представив ее в контексте известного противостояния «решительного» и «трансценденталистского» прочтения раннего Витгенштейна.

В самом общем виде сторонники «решительного» прочтения считают недопустимой легитимацию особой сферы, в которой, якобы, располагаются невыразимые в языке религиозные, этические или метафизические ценности (к этому направлению относятся, в частности, Я. Хинтикка [Hintikka, 2003], Дж. Агамбен [Агамбен, 2008] и С. Барретт [Barrett, 1991]). Вторая позиция допускает, что в терминах Витгенштейна можно обосновать существование сферы нелогических смыслов и ценностей, постигаемых особым образом (Л. Хьюис [Hughes, 2009], К.С. Пандей [Pandey, 2009], А. Бадью [Badiou, 2011]). Наша позиция в наименьшей степени согласуется с «решительным прочтением» Витгенштейна, однако мы не поддерживаем и альтернативный, «трансценденталистский» подход к этой теме. Мы полагаем, что в той картине мира, которую образуют ранние тексты Витгенштейна, не существует ни выделенной сферы религиозных (этических, эстетических) смыслов и ценностей, ни сферы собственно фактической. Обе «сферы» намечены в «Логико-философском трактате» лишь в методическом ключе (для того, чтобы подвести к «правильному видению мира»). Кратко это можно пояснить следующим образом: в «Логико-философском трактате» Витгенштейн говорит: «Тот факт, что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира» [Витгенштейн, 1958, § 5.62, с. 81]. И здесь стоит обратить внимание на слово «понимаю»: дело в том, что мир и язык в пределах только логики вообще не может быть понятен, а то, что нам совершенно непонятно, для нас просто не су-

ществует. Поэтому мир, который мы понимаем, с необходимостью включает в себя не только факты в логической структуре, но и нелогические ценности и смыслы, что и будет показано в данной работе. Мы надеемся показать, что «нейтральный мир фактов», представленный в «Трактате», можно считать фикцией, а точнее – методической условностью, позволяющей различить в целостной картине мира как структурированное логикой происходящее, так и нелогическое ценностно-смысловое содержание, притом что в реальном понимании мира эти два уровня составляют единое целое.

В соответствии с нашим подходом исчезает болезненная альтернатива двух полярных позиций, одна из которых вообще исключает нелогические ценности и смыслы, оставляя лишь ценностно-нейтральный «чертеж реальности»; а другая ищет особое «вместилище» для них. Мы предлагаем рассматривать тексты Витгенштейна с учетом указанной целостности, фиксируя нелогические смыслы и ценности¹ не в изолированной от фактов области, а на уровне нашего понимания жизни.

Выделим еще одну особенность предлагаемого метода, сопоставив его с достаточно популярной *холистической* интерпретацией «Трактата», согласно которой простейшие элементы языка следует понимать, исходя из целого. С одной стороны, мы полностью разделяем мысль, что выявление логических элементов языка предполагает уже состоявшееся понимание сказанного, т. е. целое в познавательном отношении первично по отношению к своим элементам. Однако при таком подходе ускользает специфический характер логической структуры, стирается то, ради чего все затевалось. А именно, игнорируется то обстоятельство, что язык в пределах только логики оказывается совершенно бессмысленным, полностью исключает понимание, т. е. исключает как раз то, ради чего он функционирует как язык. Требование вернуть языку его основную функцию и ведет к возврату смыслов туда, откуда они были искусственно и методически изъяты анализом логической структуры. Для демонстрации упомянутой особенности логической структуры (непонятности языка, взятого в рамках логической структуры) мы предпринимаем ход, обратный холистическому: мы идем не от фактов к объектам, и не от готового и понятного языка к его логическим элементам, а, наоборот, от элементов логической структуры пытаемся продвинуться к фактам и к живому пониманию языка.

Начнем анализ с демонстрации несводимости идей «Трактата» к логическому атомизму Рассела, что позволит сразу выделить стержневые, принципиальные особенности подхода Витгенштейна.

¹ Нефактические смыслы и ценности невозможно строго определить или разграничить, поэтому мы попытаемся контекстуально подвести к тому, что могут означать эти выражения, с учетом того, что четкой грани между ними не существует.

Рассел и Витгенштейн о логической структуре языка. Знание «по знакомству» и «простые объекты»

Рассел и, следом за ним Витгенштейн стремятся зафиксировать формальную структуру логически совершенного языка, которая позволила бы избавиться от бессмысленных утверждений и вопросов. С этой целью они выделяют в языке атомарные предложения, соответствующие простейшим ситуациям (атомарным фактам). Атомарные факты (как и предложения) раскладываются на неделимые элементы, которые представляются необходимым условием истинного описания реальности. Рассел называет эти элементы «объектами непосредственного знакомства» [Russell, 1997, с. 47], **Витгенштейн говорит о необходимости существования «простых объектов», без которых «было бы невозможно построить образ мира (истинный или ложный)»** [Витгенштейн, 1958, § 2.0212, с. 33].

В таком, самом общем виде многое сходится, однако при ближайшем рассмотрении проявляются кардинальные различия в подходах Рассела и Витгенштейна [Candlish, 2016]. Покажем наиболее очевидные различия, сосредоточившись на онтологических эквивалентах простейших имен: на «объектах непосредственного знакомства» (Рассел) и «простых объектах» (Витгенштейн).

Рассел выделяет четыре вида «объектов по знакомству». Первые два вида мало чем отличаются от «простых впечатлений» в трактовке Д. Юма [Юм, 1996], они имеют чувственный характер (например – красное, холодное, шершавое), могут непосредственно восприниматься или быть идеальными копиями простейших восприятий. Возможности сочетаний простейших качеств ничем не ограничены, Рассел не вводит никаких особых требований к их комбинациям [Russell, 1997, с. 48]. «Простые объекты» по Витгенштейну – напротив, не имеют чувственного характера, они ненаблюдаемы («бесцветны») и, кроме того, обладают «логической формой», определяющей и ограничивающей все мыслимые возможности «вхождения объекта в факт» [Витгенштейн, 1958, § 2.0141, с. 32].

Следующий вид – *объекты интроспекции*. Рассел полагает, что наблюдение внешних объектов сопровождается непосредственным осознанием того, что эти объекты даны «мне»: я ощущаю горячее или холодное, сладкое или кислое и т. п. **Для Витгенштейна подобная постановка вопроса, как и вся тема «интроспекции», была бы бессмысленной: он старательно избегает связывания «я» с миром вот таким, традиционным для новоевропейской философии способом** [Сокулер, 1994, с. 44].

Последний вид – «универсалии»: например, восприятие отдельных белых предметов позволяет сформировать понятие-универсалию о белизне как таковой. При этом первичными элементами мыслимой реальности полагаются, опять же, простейшие чувственные впечатления, а не сами абстрактные идеи [Proops, 2011; Hylton, 1990; Russell, 1997; Griffin, 1998].

Очевидно, «универсалии» тоже нельзя отождествлять с «простыми объектами», поскольку универсалии, по Расселу, вторичны по отношению к чувственным впечатлениям, а «простые объекты» «Трактата», напротив, первичны по отношению всему мыслимому и наблюдаемому² [Bonino, 2008; Candlich, Damnjanovic, 2009; Mezzadri, 2014a; Mezzadri, 2014b]. **Форма «простых объектов» определяет только логические условия наблюдения (и наблюдаемого): «Нельзя представить точку в пространстве без того, чтобы она имела какой-то цвет. Тон должен иметь какую-то высоту. Предмет осязания – какую-то плотность»** [Витгенштейн, 1958, § 2.0131, с. 32]. **Таким образом, Витгенштейн усматривает в логике только форму мыслимой реальности, оставляя место для нелогических компонентов понимания мира. Для Рассела вопрос понимания мира (происходящего в мире) решается автоматически: из отдельных чувственных качеств сами собой складываются идеи, несущие обычный для естественного языка смысл.**

Для нашего анализа все эти различия принципиальны, поскольку они позволяют очертить задачу, актуальную именно для Витгенштейна. Мы надеемся показать, что Витгенштейн, в отличие от Рассела, раскрывает не только универсальность логики, но и ее ограниченность: предложенный в «Трактате» метод обнаруживает, что логика является необходимым, но недостаточным условием понимания и описания мира. «Для Витгенштейна логика есть универсальная форма языка и мира, Рассела же больше заботит универсальное исчисление: “lingua characterica”, а не “calculus ratiocinator”» [Горбатов, 2009]. Такая ограниченность, впрочем, не помешала Расселу постулировать «строгий параллелизм между языком и миром» [Макеева, 2011, с. 31], **благодаря** чему «он счел возможным использовать методы логического анализа языка для раскрытия глубинной структуры реальности» [там же]. Витгенштейн, скорее всего, осознавал ключевой изъян подобного подхода: универсальный язык, где значение прояснено лишь указанием условий истинности, подобен машине, про которую, говоря словами Даммита, «довольно хорошо известно, как она устроена, но мы не знаем, как пустить ее в ход» [Даммит, 1987, с. 128].

² За исключением того, что предшествует логике [см. Витгенштейн, 1958, § 5.552, с. 79].

Трудности интерпретации «простых объектов»

Проблема корреляции мира и языка в «Трактате» напрямую связана с вопросом соответствия имен в предложениях и «простых объектов» логической структуры [Витгенштейн, 1958, § 3.22, с. 38]. Очевидно, что в естественном употреблении языка имена всегда сообщают больше, чем могут сообщить наиболее общие логические формы, о которых шла речь выше.

В каком же смысле можно говорить о соответствии «простых объектов» именам в предложениях? Обладают ли «простые объекты» чем-то таким, что могло бы, при их «соединении» в факты, образовать нечто, доступное пониманию? Иначе говоря, образовать то, что мы называем «фактом» в обычном словоупотреблении?

В «Трактате» нет прямых ответов на такие вопросы. Явным образом Витгенштейн указывает лишь на то, что каждый атомарный факт образован в соответствии с логической (априорной, трансцендентальной) необходимостью, продиктованной формой составляющих его «простых объектов». Однако такая необходимость, как можно убедиться, не имеет ничего общего с той, которая подразумевается в реалистических интерпретациях языка.

Покажем это на классическом примере предложения «кошка на рогожке». Допустимо ли считать это предложение образом факта³, в котором выражения «кошка» и «рогожка» сопоставлены «простым объектам»? По всей видимости, да, но с некоторыми существенными оговорками: если предложение «кошка на рогожке» есть образ факта в логической структуре, то в этом качестве, взятое изолированно, оно не допускает привнесения в него какой-либо дополнительной информации, предполагающей уже готовое, естественное для нас представление о том, что такое «кошка» и что такое «рогожка». Как логический факт приведенный случай будет состоять только в том, что некий пространственный объект находится в определенном положении по отношению к другому пространственному объекту. В этом смысле факт «кошка на рогожке» не будет отличаться от факта «курица на насесте» (кроме того, что эти факты и составляющие их объекты *различны* [Витгенштейн, 1958, § 2.0233, с. 33] **Если кошку мы рассматриваем как «простой объект»**, она ничем не будет принципиально отличаться от курицы, поскольку все, что она подразумевает в качестве элемента логической структуры, тождественно тому, что подразумевает курица, и все прочие существа, взятые как «простые объекты» [Шамис, 2015, с. 114].

³ Здесь и далее мы не будем учитывать нюансы, различающие в «Трактате» «атомарные факты», «факты», «ситуации», «положения дел», «комплексы». Для нашего исследования эти различия не существенны, поскольку результат (бессмысленность предложений на уровне только логики) сохраняется на всех уровнях логической структуры.

Если же мы займемся описанием самой кошки, тогда она сама предстанет как множество фактов: и кошка, и курица, и прочие существа с необходимостью подразумевают различные сочетания протяженности, плотности, цветности и т. п. Но больше ничего не может подразумеваться в пределах логической структуры, поэтому (и здесь холизм прав) к этой структуре возможно подойти только «снаружи», выделяя ее в живой материи языка, в уже состоявшемся понимании предложения. Сначала мы имеем дело с *понятым* предложением, и только затем мы условно дробим его на простые, далее неразложимые элементы. При этом дроблении на логические составляющие кошка перестает быть кошкой в обычном понимании и становится набором простых формальных качеств, связанных с пространством, временем, плотностью, цветностью и т. п. Единственное, что может тогда отличить одно существо от другого, – это числовые показатели. Тогда вместо знакомых нам существ мы получим нечто вроде их математических моделей (при условии, что числовые показатели могут учитываться логической структурой).

При этом все *конкретные* характеристики кошки, курицы и прочих объектов будут *случайными*. Случайными будут как конкретные случаи реализации отдельных «логических характеристик» (степень, интенсивность, оттенок и т. п.), так и их конкретные сочетания (*такая* плотность некоторого объекта может сопровождаться, а может и не сопровождаться *таким* его цветом, *такой* его протяженностью и т. п.).

Именно в этом смысле мир «*распадается*» на независимые факты: «Любой факт может иметь место или не иметь места, а все остальное останется тем же самым» [Витгенштейн, 1958, § 1.21, с. 31]. Например, «логическое пространство» не запрещает кошке быть красной или синей, поскольку на уровне логики «кошка» есть лишь случайное сочетание различных, не связанных между собой качеств (плотности, формы, цвета и т. п.), каждое из которых реализуется в столь же случайных числовых показателях (*такая* плотность, *такой* цвет, *такая* протяженность и т. п.).

Таким же образом, логическая структура в «Трактате» не предусматривает необходимости для курицы иметь оперенье и нести яйца: изменив числовые показатели цвета, размера, плотности и т. п., мы можем мысленно «превратить» курицу в коршуна, кошку или рыбу, не нарушая логической формы «простых объектов». Необходимыми будут только самые общие характеристики, связанные с пространством, цветностью и прочими логическими формами: курица должна иметь какой-то цвет, какую-либо форму, какую-либо плотность, она не может находиться сразу в двух местах, не может быть одновременно белой и черной, быть больше, и одновременно, меньше какого-либо другого объекта и т. п.

Строго говоря, никаких кошек и куриц (как и прочих существ или предметов) в логической структуре, конечно, не существует: на уровне логической структуры кошка от курицы, человек от прикроватной тумбочки и прочие предметы и существа отличаются, в лучшем случае, только *количественно*, а этого явно недостаточно для понимания подобных имен. Поэтому «превращение» курицы в коршуна или рыбу есть, конечно, лишь условная иллюстрация, которая должна лишь показать, что логическая структура не запрещает «растягивать», «сжимать», «уплотнить», «осветлять», «затемнять» любые объекты. Соответственно, когда мы выделяем эти объекты, называем их «кошкой» или «рыбой», мы уже привлекаем нечто такое, что не определено логической структурой.

Все это наводит на мысль, что сама по себе логическая структура недостаточна для конструирования и понимания предложений языка. Условно можно, конечно, представить редукцию *уже понятной* наблюдаемой ситуации к простейшим элементам, атомарным фактам и простым объектам, но что-то должно дополнять логическую структуру, чтобы это предварительное понимание происходящего могло состояться. Что же это?

Перформативное измерение «Трактата». Смыслы и ценности как условие понимания мира

Произведенный анализ логической структуры показывает, как мог бы «выглядеть» мир в пределах только логики. Мы убедились, что в этих пределах он никак не выглядит, поскольку на уровне только формальных характеристик невозможно что-либо понять или распознать. Мир в логической структуре, взятый в чистом виде, не имеет вообще никаких очертаний, он не может быть обнаружен, поскольку не может быть понятен. Даже пятно в поле зрения может быть обнаружено лишь при условии, что понятие «пятна» включает в себя не только «рассыпающиеся» простейшие элементы, но и нечто необходимое, скрепляющее эти качества в некоторое единство, которое мы можем назвать «пятном». Логические элементы не могут обеспечить понимание картины мира: ни «простые объекты», ни «атомарные факты», ни «комплексы», поскольку в «Трактате» нет оговорок, что на каком-то этапе укрупнения логической конструкции проявляются *дополнительные* требования к связи элементов этой конструкции. Наоборот, Витгенштейн настаивает, что все происходящее случайно, т. е. случайны *все* факты, в любых сочетаниях.

Витгенштейн не оговаривает, что в таком виде понимание мира не может состояться, поэтому сошлемся на очевидность того, что без связующего «клея», без устойчивой *нелогической* связи, элементы

логической структуры никогда не образуют мир, доступный пониманию, или даже простому наблюдению. Соответственно, любые предметы нашего обихода могут быть распознаны только за счет того, что дополняет логическую структуру, сообщая определенным комбинациям качеств устойчивость и необходимость⁴.

То, что может полагаться *неслучайным*, Витгенштейн называет смыслом и ценностью, видимо, их и следует считать недостающим звеном, обеспечивающим понятность мира и языка. Однако Витгенштейн настаивает, что все, что делает факты неслучайными, невыразимо и находится вне мира, вне языка, вне фактов. Как же разрешить это противоречие?

По всей видимости, есть только один пусть согласования: абсолютные смыслы, накрепко привязанные к языковым выражениям, не могут быть высказаны *отдельно*, в отрыве от реального употребления языка [Von Eeden, 2005, p.37]. Спаянность нелогических смыслов и ценностей с фактами в логической структуре означает, что мы не можем отделить нелогическое содержание предложений от их логической структуры и высказать его отдельно, в качестве философской теории: устройство языка таково, что мы всегда будем говорить о случайных фактах, хотя все высказывания будут содержать в себе, в том числе, и нелогические смыслы или ценности⁵.

Здесь есть дополнительная сложность, связанная с неоднородностью нелогических аспектов языка: нужно уточнить, что помимо предложений о фактах существуют собственно этические или философские предложения, именно такие предложения Витгенштейн называет бессмысленными. Например, предложения «человек по природе зол», «природа добра прекрасна», «все имеет свою причину» «мыслью, следовательно, существую» не описывают факты, в отличие от предложений «чашка стоит на столе», «страус бежит быстрее че-

⁴ Пока мир выглядит как ничего не значащий чертеж, легко представить любую форму этого чертежа; пока всякий факт задан как случайный набор простейших качеств, легко представить, что эти качества произвольно меняются в своих комбинациях, подобно тому, как меняется картинка в калейдоскопе. Если, допустим, речь в «Трактате» идет о логических возможностях, то, очевидно, никакая логическая возможность не ставит ограничений всем прочим логическим возможностям: все логические возможности равноправны. Однако реальный мир, описанный таким образом, не может быть понятен. На уровне понимания естественного языка дело обстоит совершенно иначе: произвольное и хаотичное изменение фактов на этом уровне далеко не безобидно, и может повлечь такое искажение картины мира, которое затруднит или вовсе уничтожит понимание этой картины. На том уровне, где происходит реальное понимание мира и языка, функционируют уже необходимые смыслы. Поскольку мы не можем понимать мир, в котором курица в любой момент может превратиться в черепаху, а на яблоне вырастет голова быка.

⁵ Подобные идеи разрабатывались Витгенштейном в более поздних работах, однако можно заметить, что и ранняя интерпретация языка неявно содержит именно такой посыл.

ловека» и т. п. Таким образом, можно условно выделить два уровня нелогических смыслов (или ценностей): на первом уровне располагаются те нелогические смыслы и ценности, которые обеспечивают определенность мыслимых или наблюдаемых предметов и существ, т. е. обеспечивают понимание предложений о фактах. Ценности и смыслы второго уровня заключены в отношении к происходящему, т. е. эти смыслы ответственны за понимание ценности жизни, значимости определенных обстоятельств жизни.

Смыслы, обеспечивающие распознавание предметов и понимание предложений о фактах, назовем, отдавая дань древней традиции, «сущностями». Курица, например, мыслится как существо, с необходимостью имеющее оперенье и несущее яйца, и эта необходимость связывает набор случайных качеств в некоторую «сущность».

Классическая метафизика стремится освоить именно этот, сущностный уровень смыслов: во всяком случае, вопрос о реальности и происхождении сущностей вещей определенно является философским. И вот здесь становится актуальным тезис Витгенштейна о невыразимости абсолютных сущностей в языке и бессмысленности всех философских предложений: «сущность» любого мыслимого объекта заключена в самом способе мыслить эти объекты и не может быть изъята отсюда для анализа. Например, сущность курицы «вшита» в доступное пониманию описание курицы, однако эта сущность не может быть высказана отдельно от этого описания. Нельзя вытащить из описания курицы то единство качеств, которое делает ее именно курицей, и обсуждать это единство *отдельно* от уже состоявшихся в естественном языке предложений. Всякое философское предложение о «сущности» будет, в силу устройства языка, подчиняться законам логической структуры, а это означает, что логика будет неминуемо «расщеплять» любое утверждение о сущности, превращая сущность в случайность (точнее, в ряд контингентных логических возможностей). Более того, вырванный из естественного контекста смысл сам собой перестанет существовать, его нельзя сохранить в «новой оболочке», в новой лингвистической конструкции (в философском предложении). При этом не поддающийся философскому анализу смысл, делающий курицу именно курицей, естественным образом присутствует во всех обычных предложениях, в которых она упоминается.

Другой уровень нелогических смыслов и ценностей – собственно этический или эстетический (для Витгенштейна «этика и эстетика – едины») [Витгенштейн, 1958, § 6.421, с. 95]). Этические или эстетические предложения (как и философские, метафизические) являются, с точки зрения Витгенштейна, «псевдопредложениями», поскольку они не выражают ничего фактического. Такие языковые конструкции, как «нет ничего, превыше чести», «ложь – безнравственна» выражают уже не факты, а *отношение* к фактам. Подобным образом

функционируют поэтические метафоры, изобразительные и музыкальные формы и т. п. Специфику собственно этических ценностей Витгенштейн выразил в «Лекции об этике»: они имеют отношение к правильному образу жизни, к тому, что ценно или важно, к тому, что «делает жизнь стоящей» [Витгенштейн, 1989, с. 239]. Такие ценности тоже должны проявиться на фоне искусственно выхолощенной, нейтральной картины мира, хотя в данном случае можно условно допустить, что эта нейтральная картина отчасти уже понятна на «сущностном» уровне. Иными словами, нивелирование собственно этических смыслов и ценностей не помешает нам распознавать объекты, изменится только отношение к ним. Например, отношение к человеку или собаке может быть трепетным или безразличным, но в обоих случаях сохраняется способность отличить собаку от человека (что означает, как мы убедились, участие в мысли «метафизических», устойчивых смыслов). Поэтому фоном для собственно этических и эстетических смыслов может считаться не «исчезающий» мир элементов и конструкций логической структуры, а нейтральный, безразличный мир предметов и существ, в котором «все происходит так, как происходит», где «все факты равноценны». Именно такой мир, в котором «убийство ничем не отличается от падения камня» [Витгенштейн, 1989, с. 238–245], становится в «Трактате» точкой отсчета для собственно этического измерения.

Витгенштейн, как можно понять, допускает градуирование ценности, когда говорит о «возрастании» и «убывании» мира как целого: «Если добрая и злая воля изменяет мир, то она может изменить только границу мира, а не факты, не то, что может выражаться в языке. Короче говоря, при этом условии мир должен вообще стать совсем другим. Он должен, так сказать, уменьшаться или возрастать как целое. Мир счастливого совершенно другой, чем мир несчастного»⁶ [Витгенштейн 1958, § 6.43, с. 95]. В «Дневниках» есть важное уточнение: мир изменяется, «как при присоединении или утрате того или иного смысла» [Витгенштейн, 2009, с. 126]. Очевидно, что для подобных изменений мира необходима некая условная «платформа»: если градус смысла меняется, то эти изменения могут быть зафиксированы только относительно устойчивой, неподвижной основы, которая и будет представлена условно взятым безразличным миром фактов.

⁶ Пример обрушения ценности и образования «мира несчастного» можно найти, например, в рассказе Ж.-П. Сартра «Стена»: «С какой ненасытной жадностью охотился я за счастьем, за женщинами, за свободой. К чему?.. Моя жизнь не стоила ни гроша, ибо она была заранее обречена. Я спрашивал себя: как я мог слоняться по улицам, волочиться за женщинами; если б я только мог предположить, что сгину подобным образом, я не шевельнул бы и мизинцем... Я ни о чем не сокрушался, хотя было множество вещей, о которых я мог бы пожалеть, ... но смерть лишила все это бывшего очарования.

Все эти замечания о характере нелогических смыслов и ценностей, о возможности разных уровней понимания и т. п., не должны, конечно, пониматься как некая теория. Поэтому важно не то, как мы это назовем, а то, как мы это увидим. Для этого, в частности, и производится в «Трактате» анализ «логической структуры», очерчивающий границы мыслимого не «извне», а «изнутри» выразимого в языке [Витгенштейн, 1958, § 4.114, с. 50; Von Eeden, 2005, p. 37].

Важно увидеть, что именно отличает данную нам реальность от абсурда. И тогда должно стать очевидным, что смыслы и ценности, наряду с логикой, обеспечивают саму возможность понятных, осмысленных высказываний о происходящем, однако ни логика, ни смысл, ни ценность не могут быть высказаны «сами по себе», «отдельно» от предложений естественного языка. «Язык не может изображать то, что само отражается в языке. Мы не можем выразить языком то, что само выражается в языке». [Витгенштейн, 1958, § 4.121, с. 51].

Заключение

Радикализация характеристик «логической структуры» языка позволила предположить, что, согласно замыслу «Трактата», нелогические смыслы и ценности функционируют на всех уровнях описания мира, в том числе, и на уровне фактов, если иметь в виду факты в обычном словоупотреблении. «Мир, распадающийся на факты в логической структуре» – это методическая условность, фикция, поскольку ни один факт (как и соответствующее ему языковое выражение) не может быть понят на уровне только логических элементов и структур, без участия некоторого устойчивого смысла или ценности.

Нелогические смыслы («сущности») обеспечивают распознавание объектов, что, очевидно, является необходимым условием осмысленности языковых выражений. Этические или эстетические ценности определяют соответствующее отношение к миру, которое проявляется в различении добра и зла, прекрасного и безобразного, в одобрении, признании, выборе и т. п. Методическая ценность концепта «фактов в логической структуре» состоит, в данном случае, в том, что в выхолощенном виде «мир фактов» оказывается нейтральной основой (условной, конечно), относительно которой можно фиксировать изменение этического или эстетического отношения к миру, к жизни, к тому, что происходит.

Радикализация «логической структуры» позволила также уточнить положение «Трактата» о невыразимости абсолютных смыслов и ценностей: нечто абсолютное, несводимое к логическим элементам неизбежно присутствует в содержании предложений, но его не-

возможно выразить отдельно от описаний происходящего. Логическая форма является необходимым каркасом каждого осмысленного предложения, поэтому описание сущности или ценности без нее, независимо от фактов, в которых она растворена, не получит никакого онтологического эквивалента и не сможет обеспечить какой-либо «образ реальности».

Список литературы

- Агамбен, 2008 – *Агамбен Дж.* Грядущее сообщество. М.: Три квадрата, 2008. 144 с.
- Витгенштейн, 1958 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахути Д., общ. ред. В. Асмуса. М.: Наука, 1958. 132 с.
- Витгенштейн, 1989 – *Витгенштейн Л.* Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 238–251.
- Витгенштейн, 2009 – *Витгенштейн Л.* Дневники 1914–1916. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
- Горбатов, 2009 – *Горбатов В.В.* Между Calculus Ratiocinator и Characteristica Universalis: спор двух парадигм в философской логике на рубеже XIX–XX веков // Филос. журн. 2009. № 2 (3). С. 118–132.
- Даммит, 1987 – *Даммит М.* Что такое теория значения? // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 127–212.
- Кант, 1994 – *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Соч.: в 8 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- Линдгрэн, 2008 – *Линдгрэн А.* Малыш и Карлсон, который живёт на крыше. М.: Астрель, 2008. 144 с.
- Макеева, 2011 – *Макеева Л.Б.* Язык, онтология и реализм. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 312 с.
- Сокулер, 1994 – *Сокулер З.А.* Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. 171 с.
- Хинтиikka, 2012 – *Хинтиikka Я.* О Витгенштейне. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. 272 с.
- Шамис Д., 2015 – *Шамис Д.* Моральное чувство как феномен гносеологии // Филос. науки. 2015. № 10. С. 111–126.
- Юм, 1996 – *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // *Юм Д.* Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 53–657.
- Badiou, 2011 – *Badiou A.* Wittgenstein's Antiphilosophy. L.: Verso, 2011. 192 p.
- Barrett, 1991 – *Barrett C.* Wittgenstein on Ethics and Religious Beliefs. Cambridge: Blackwell, 1991. 256 p.
- Bonino, 2008 – *Bonino G.* The Arrow and the Point. Russell and Wittgenstein's Tractatus. Frankfurt a/M.: Ontos Verlag, 2011. 315 p.
- Candlich, Damjanovic, 2009 – *Candlich S., Damjanovic N.* The Tractatus and the Unity of the Proposition. // Wittgenstein's Early Philosophy / Ed. by J. Zalabardo. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 64–98.

Candlish, 2016 – *Candlish S.* Was Wittgenstein an Analytic Philosopher? Wittgenstein vs Russell // *Frontiers of Philosophy in China*. 2016. Vol. 11. No. 1. P. 35–53.

Griffin, 1998 – *Griffin N.* Russell's Multiple Relation Theory of Judgement // *Philosophical Studies*. 2008. Vol. 47. P. 213–247.

Hacker, 2012 – *Hacker P.M.S.* Zwei Auffassungen von Sprache // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. 2012. Bd. 60. No. 6. S. 843–860.

Han, 2013 – *Han D.* Wittgenstein on Russell's theory of logical types // *Journal of Philosophical Research*. 2013. Vol. 38. P. 115–146.

Hintikka, 2003 – *Hintikka J.* What Does the Wittgensteinian Inexpressible Express? // *The Harvard Review of Philosophy*. 2003. No. 10. P. 9–17.

Hughes, 2009 – *Hughes L.* If there is any value that does have value, it must lie outside the whole sphere of what happens and is the case // *In Search of Meaning: Ludwig Wittgenstein on Ethics, Mysticism and Religion*. Karlsruhe: Universitätsverlag Karlsruhe, 2009. P. 51–66.

Hylton, 1990 – *Hylton P.* Russell, Idealism, and the Emergence of Analytic Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1990. 420 p.

Mezzadri, 2014a – *Mezzadri D.* Nominalism and Realism. How Not to Read the Tractatus' Conception of a Name // *Philosophical Investigations*. 2014. Vol. 37. No. 3. P. 208–227.

Mezzadri, 2014b – *Mezzadri D.* Types, forms, and unity: Wittgenstein's criticism of Russell's theory of judgment // *History of Philosophy Quarterly*. 2014. Vol. 31. No. 2. P. 177–193.

Pandey, 2009 – *Pandey K.C.* Religious Beliefs, Superstitions and Wittgenstein. New Delhi: Readworthy, 2009. 294 p.

Proops, 2011 – *Proops I.* Logical Atomism in Russell and Wittgenstein / Ed. by O. Kuusela, M. McGinn // *The Oxford Handbook of Wittgenstein*. N. Y.: Oxford University Press, 2011. P. 214–239.

Russell, 1997 – *Russell B.* The Problems of Philosophy. N. Y.: Oxford University Press, 1997. 168 p.

Tatievskaya, 2008 – *Tatievskaya, E.* Wittgenstein über complexes // *Logique et Analyse*. 2008. Vol. 51. No. 204. P. 395–409.

Von Eeden, 2015 – *Von Eeden F.* "Word-Value" and "The 'I'" / Ed. by J. Broekman, L. Backer // *Sign In Law – A Source Book: The Semiotics of Law in Legal Education III*. 2015. P. 31–39.

References

Agamben, G. *Griadushchee soobshchestvo* [The Coming Community]. Moscow: Tri kvadrata, 2008. 144 pp. (In Russian)

Badiou, A. *Wittgenstein's Antiphilosophy*. London: Verso, 2011. 186 pp.

Barrett, C. *Wittgenstein on Ethics and Religious Beliefs*. Cambridge: Blackwell, 1991. 256 pp.

Bonino, G. *The Arrow and the Point. Russell and Wittgenstein's Tractatus*. Frankfurt a/M.: OntosVerlag, 2011. 315 pp.

Candlish, S. "Was Wittgenstein an Analytic Philosopher? Wittgenstein vs Russell", *Frontiers of Philosophy in China*, 2016, Vol. 11, No. 1, pp. 35–53.

Candlish, S., Damnjanovic, N. "The Tractatus and the Unity of the Proposition", in: J. Zalabardo (ed.). *Wittgenstein's Early Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2009, pp. 64–98.

Dammit, M. "Chto takoe teorija znachenija?" [What is the theory of meaning?], in: *Filosofija, logika, jazyk*. Moscow: Progress, 1987, pp. 127–212. (In Russian)

Gorbatov, V. V. "Mezhdru Calculus Ratiocinator i Characteristica Universalis: spor dvukh paradigm v filosofskoi logike na rubezhe XIX-XX vekov" [Between Calculus Ratiocinator and Characteristica Universalis: the dispute of two paradigms in philosophical logic at the turn of XIX-XX centuries], *Filosofskii zhurnal*, 2009, No. 2 (3), pp. 118–132. (In Russian)

Griffin, N. "Russell's Multiple Relation Theory of Judgement", *Philosophical Studies*, 2008, Vol. 47, pp. 213–247.

Hacker, P. M. S. „Zwei Auffassungen von Sprache“, *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*, 2012, Vol. 60, No. 6, pp. 843–860.

Han, D. "Wittgenstein on Russell's theory of logical types", *Journal of Philosophical Research*, 2013, Vol. 38, pp. 115–146.

Hintikka, J. "What Does the Wittgensteinian Inexpressible Express?", *The Harvard Review of Philosophy*, 2003, Vol. XI, pp. 9–17.

Hintikka, Ja. *O Vitgenshteine* [On Wittgenstein]. Moscow.: Kanon+; ROOI "Reabilitatsia", 2012. 272 pp. (In Russian)

Hughes, L. "If there is any value that does have value, it must lie outside the whole sphere of what happens and is the case", in: *Search of Meaning: Ludwig Wittgenstein on Ethics, Mysticism and Religion*. Karlsruhe: Universitätsverlag Karlsruhe, 2009, pp. 51–66.

Hume, D. "Traktat o chelovecheskoi prirode" [A Treatise of Human Nature], in: Hume D. *Sochineniya v dvuh tomakh* [Works in two volumes]. Moscow: Mysl', 1996, Vol. 1, pp. 53–657. (In Russian)

Hylton, P. *Russell, Idealism, and The Emergence of Analytic Philosophy*. Oxford: Clarendon Press, 1990. 440 pp.

Kant, I. "Kritika chistogo razuma" [The Critique of Pure Reason], in: Kant I. *Sochineniya v vos'mi tomakh* [Works in eight volumes]. Moscow: Mysl', 1994, Vol. 3. 591 pp. (In Russian)

Lindgren, A. *Malysh i Karlson, kotoryi zhivet na kryshe* [Karlsson-on-the-Roof]. Moscow: Astrel', 2008. 144 pp. (In Russian)

Makeeva, L. *Yazyk, ontologiya i realizm* [Language, Ontology and Realism]. M.: NRU HSE, 2011. 312 pp. (In Russian)

Mezzadri, D. "Nominalism and Realism. How Not to Read the Tractatus. Conception of a Name", *Philosophical Investigations*, 2014, Vol. 37, No. 3, pp. 208–227.

Mezzadri, D. "Types, forms, and unity: Wittgenstein's criticism of Russell's theory of judgment", *History of Philosophy Quarterly*, 2014, Vol. 31, No. 2, pp. 177–193.

Pandey, K. C. *Religious Beliefs, Superstitions and Wittgenstein*. New Delhi: Readworthy, 2009. 294 pp.

Proops, I. "Logical Atomism in Russell and Wittgenstein", in: *The Oxford Handbook of Wittgenstein*. New York: Oxford University Press, 2011, pp. 214–239.

Russell, B. *The Problems of Philosophy*. New York: Oxford University Press, 1997. 168 pp.

Shamis, D. “Moral’noe chuvstvo kak fenomen gnoseologii” [Moral feeling as a phenomenon of epistemology], *Filosofskie nauki*, 2015, No. 10, pp. 111–126. (In Russian)

Sokuler, Z. A. *Ljudvig Vitgenshtejn i ego mesto v filosofii XX v.* [Ludwig Wittgenstein and his place in philosophy of XX century]. Dolgoprudnyj: Allegro-Press, 1994. 171 pp. (In Russian)

Tatievskaya, E. „Wittgenstein über komplexes“, *Logique et Analyse*, 2008, Vol. 51, No. 204, pp. 395–409.

Von Eeden, F. “Word-Value” and “The ‘I’”, in: *Sign In Law – A Source Book: The Semiotics of Law in Legal Education III*, 2015, pp. 31–39.

Wittgenstein, L. *Dnevnik 1914-1916* [Diaries 1914-1916]. Moscow: Kanon+ROOI “Reabilitacija”, 2009. 400 pp. (In Russian)

Wittgenstein, L. “Lekcija ob jetike” [“The Lecture about ethics”], in: *Istoriko-filosofskij ezhegodnik*. Moscow: Nauka, 1989, pp. 238–251. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskij traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow: Nauka, 1958. 132 pp. (In Russian)